

К вопросу об этнокультурном районировании Белорусского Подвинья

Овсейчик В. Е.

*доцент кафедры архитектуры, Полоцкий государственный университет
Белоруссия, Новополоцк*

Аннотация

Дана оценка оправданности выделения историко-этнографического региона Белорусское Подвинье (Подвинье, Поозёрье). Проанализированы особенности материальной и духовной культуры (народное зодчество, керамика, традиционная обрядность и устно-поэтическое творчество, особенности выполнения песенного фольклора, местные говоры), которые исследователи определяли как специфические черты подвинской культуры. Приходим к выводу, что ареальная характеристика этих частей культуры не даёт оснований для выделения подвинского региона в его принятых на сегодня границах. А разработанная В. С. Титовым концепция деления территории Беларуси на историко-этнографические регионы в случае выделения Подвинья (Поозёрья) не аргументирована. Рассмотрены вопросы выделения в границах Северной Беларуси отдельных регионов (субрегионов). На основе анализа этнографических, фольклорных и лингвистических материалов в границах Северной Беларуси выделены два региона. Один из них включает территорию Западного и Центрального Подвинья, второй — Восточного Подвинья.

Ключевые слова: Белорусское Подвинье, Беларусь, историко-этнографический регион, традиционная культура

Ссылка для цитирования:

Овсейчик В. Е. К вопросу об этнокультурном районировании Белорусского Подвинья // Псковский регионологический журнал 2019. Выпуск 2 (38) С. 36-50 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://ras.jes.su/region/s221979310012056-4-1> (дата обращения: 02.10.2020).

1 **Введение.** В современном белорусском народоведении в качестве одной из базовых выступает концепция историко-этнографического районирования Беларуси. В её основе лежит идея о разделении всей территории страны на историко-этнографические регионы (области). Такой подход был предложен ещё в начале 1980-х гг. белорусским этнографом В. С. Титовым. В основу его концепции были положены данные материальной культуры и лингвистики. В соответствии с ней, на территории Беларуси выделяются 6 историко-этнографических регионов (рис. 1): Северный (Подвинье, Поозёрье), Восточный (Поднепровье), Северо-западный (Понеманье), Центральный (Центральная Беларусь), Восточное Полесье, Западное Полесье [18].

2

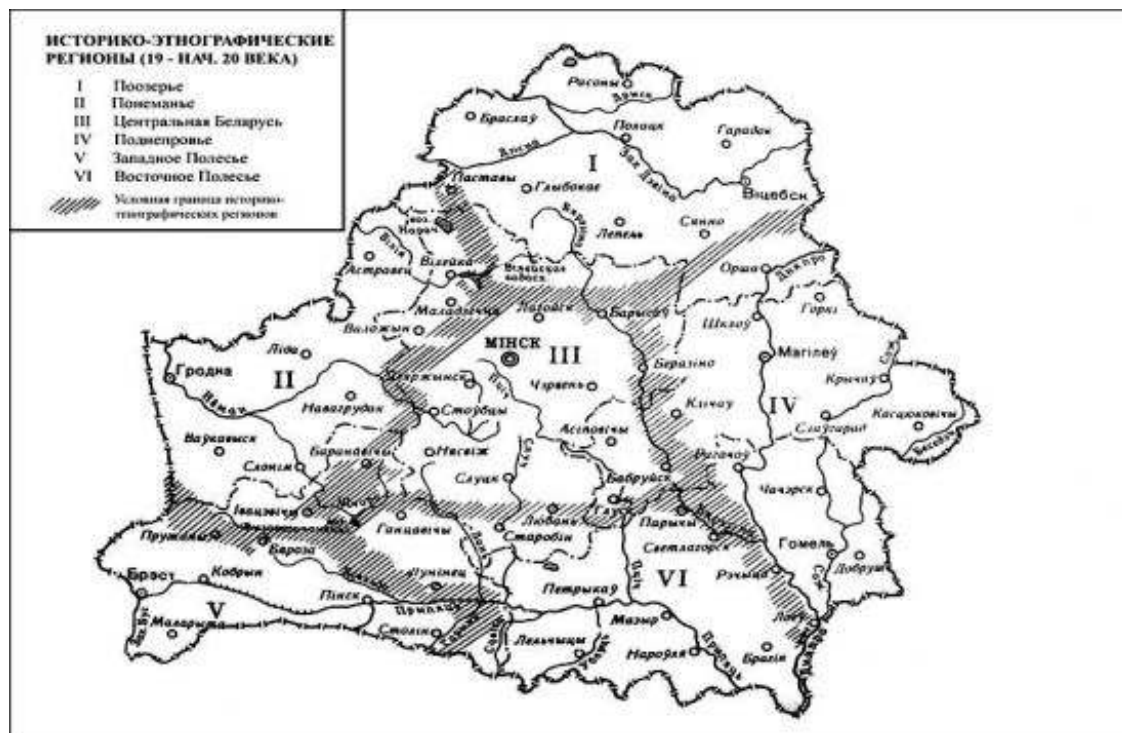

Рис. 1. Историко-этнографические регионы Беларуси (согласно В. С. Титову [18, с. 115]: I — Подвинье (Поозёрье), II — Поднепровье, III — Центральная Беларусь, IV — Понеманье, V — Восточное Полесье, VI — Западное Полесье)

3 Сама концепция хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических регионов начала разрабатываться в советской этнографической науке ещё в первой половине XX в. Однако в полной степени она получила своё развитие уже во второй половине столетия. В этот период были разработаны и подходы к историко-этнографическому районированию [1–3; 14; 21]. Разработанная белорусским этнографом В. С. Титовым концепция историко-этнографического районирования территории Беларуси как раз находилась в русле тогда господствующих направлений советской этнографии. Сама концепция В. С. Титова разработана на основе историко-этнографического районирования материальной культуры, частично лингвистических данных. В дальнейшем она была дополнена и материалами по духовной культуре.

4 Таким образом, согласно предложенной В. С. Титовым концепции, Северный регион охватывает основную территорию современной Витебской области (за исключением Толочинского, Оршанского и Дубровенского районов) и северную часть Минской области. Его южная граница проходит по днепро-двинскому водоразделу, на север от Борисова и Логойска и на Поставы [18, с. 5]. Согласно ей, жители Подвинья выделяются особенностями материальной и духовной культуры. Фактически каждое издание, где раскрываются отличительные особенности региональной культуры Подвинья, помещает довольно

однотипный набор таких параметров. Так, согласно им, этнокультурная специфика Белорусского Подвинья проявляется в народном зодчестве (замкнутая планировка двора, типичная планировка жилья (дом+сени+истопка)), керамике (массивность формы и основательность обработки), особенностях традиционной одежды, традиционной обрядности и устно-поэтического творчества (наличие масленичных, юрьевских, «ярынных», толочных, песен и песен, связанных с обработкой льна, волочебного обряда, молодёжной игры «Жаніцьба Цярэшкі»), особенностях выполнения песенного фольклора, местных говорах (северо-восточный диалект белорусского языка) [21, с. 370–371; 15, с. 241–242; 19, с. 12–18]. В данной статье эти черты рассматриваются в связи с их ареальной характеристикой.

5 **Основная часть. Зодчество.** Одним из главных тезисов о выделении регионов Беларуси выступали отличия в народном зодчестве и особенностях планировки двора. Распространённым является мнение, что Подвинье выделяется замкнутым (веночным) типом двора. Однако ещё сам В. С. Титов, картографируя эту особенность народной культуры, показал, что она характерна не только для Северного региона, но и для Могилёвского Поднепровья (рис. 2).

6

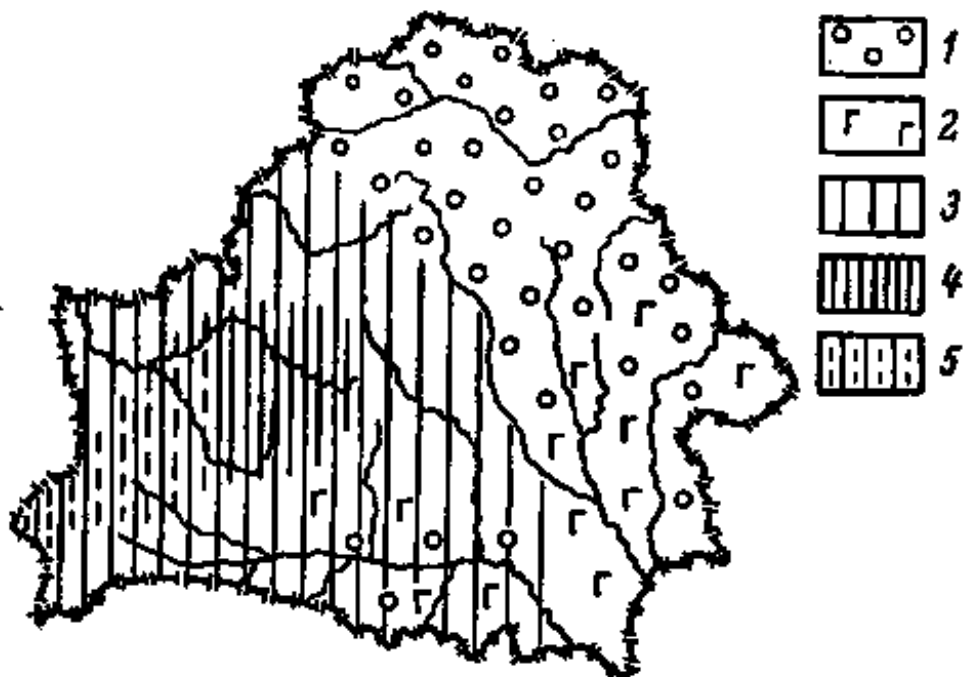

Рис. 2. Типы дворовой застройки (согласно В. С. Титову: 1 — замкнутый двор; 2 — Г-подобный; 3 — одnorядный; 4 — двухрядный; 5 — усложненный двухрядный двор)

7 В свою очередь, белорусский исследователь народного зодчества А. И. Локотко более точно определил ареал распространения данной части народного зодчества. Таким образом, как следует из его исследований, веночный тип застройки характерен не только для Подвинья, но занимает большую часть Поднепровья (рис. 3).

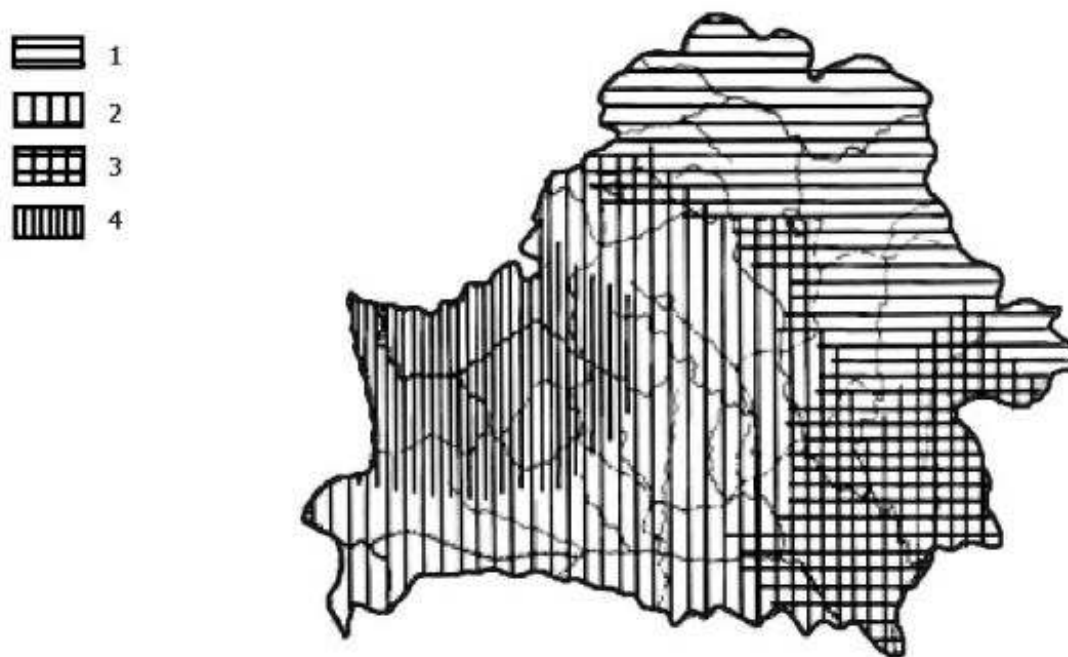

Рис. 3. Типы дворовой застройки (согласно А. И. Локотко [12, с. 418]: 1 — веночная; 2 — погонная; 3 — переходная (П- и Г-подобные дворы); 4 — двухрядный двор)

9 Кроме типа дворовой застройки, вопросы вызывают и другие особенности народного зодчества, которые исследователями относились исключительно к Подвинью. В качестве специфической черты определялось наличие истопки («стопкі», «варыўні») в усадебном комплексе Подвинья и отсутствие здесь погребов (за исключением восточной части региона). Однако полевые этнографические исследования Полоцкого государственного университета в Северной Беларуси свидетельствуют о несколько другой картине. Распространение погребов характерно и на западе региона.

10 Другие особенности народного зодчества также не дают нам оснований выделять исключительно специфические подвинские черты. Это касается и региональных особенностей распространения основных элементов жилого комплекса. Так, белорусский исследователь народного зодчества А. И. Локотко определил особенности планировочно-композиционных типов народного жилища, несколько уточнив версию В. С. Титова (рис. 4). Региональные черты резного декора по А. И. Локотко (рис. 5) также не дают оснований для выделения специфических черт в народном зодчестве Подвинья.

11 Таким образом, несмотря на довольно серьёзный тезис о специфическом народном зодчестве Белорусского Подвинья, который прочно укоренился в научной литературе, необходимо констатировать, что специфических региональных черт Подвинья (которые бы выделяли только этот регион) не выявлено. Как показывают материалы, многие черты народного зодчества Северной Беларуси близки с поднепровскими, некоторые — с понеманскими и центральнобелорусскими.

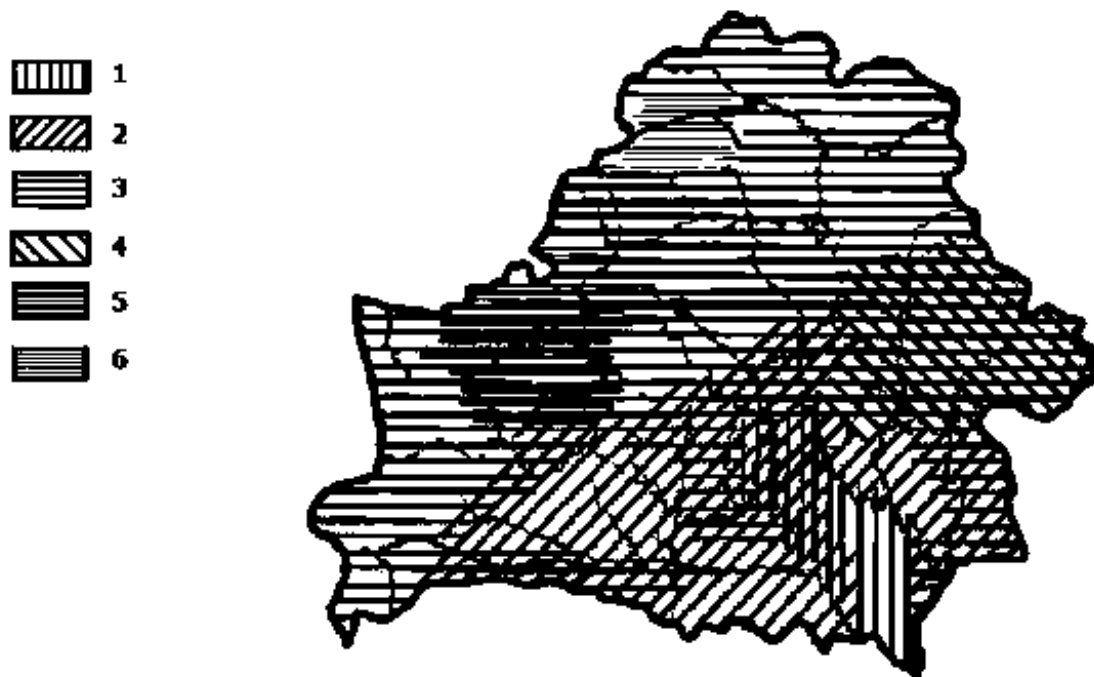

Рис. 4. Планировочно-композиционные типы народного жилища (согласно А. И. Локотко [12, с. 420]: 1 — одно-, двухкамерное центричное; 2 — двух-, трёхкамерное центрично-осевое; 3 — трёхкамерное осевое; 4 — трёхкамерное типа «хата-сенцы-хата»; 5 — усложнённой планировки неманского типа; 6 — усложнённой планировки поставско-браславского типа)

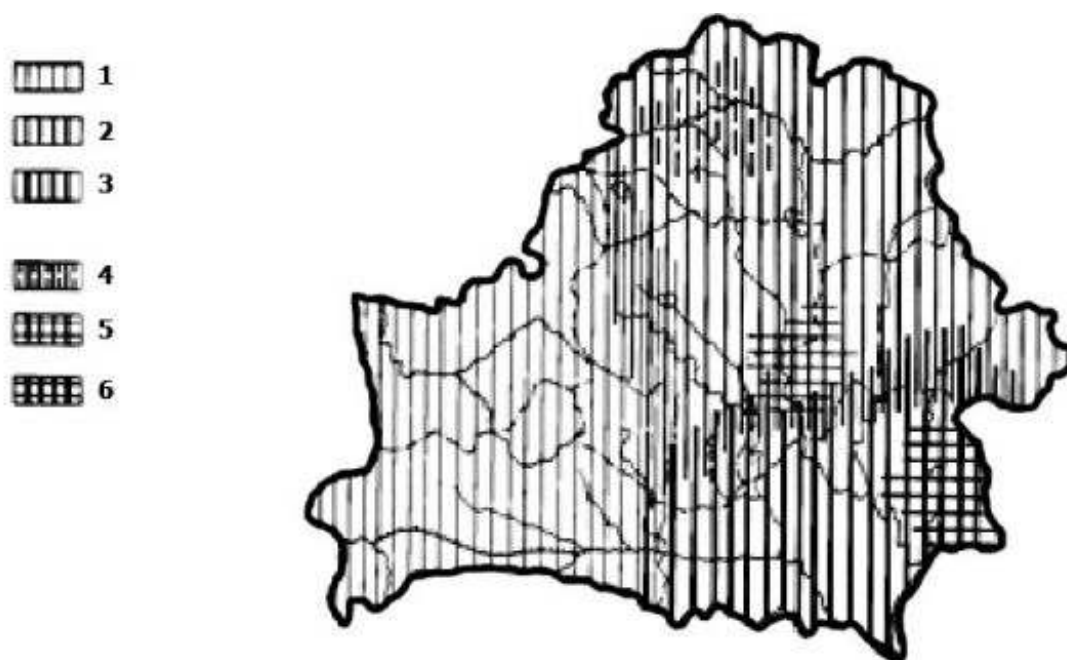

Рис. 5. Региональные и локальные черты резного декора (согласно А. И. Локотко [12, с. 420]: 1 — Западный; 2 — Северо-Восточный; 3 — Юго-Восточный; Подрегионы: 4 — Миорский; 5 — Осиповичско-Бабруйский; 6 — Чечерско-Веткавский)

14 **Керамика.** Что касается керамики Подвинья, то её «региональные» черты выглядят довольно условными и неопределёнными. Большинство изданий в качестве определяющих черт подвинской керамики указывают массивность формы и основательность обработки [15, с. 242; 19, с. 16; 21, с. 371]. В то же время белорусский этнограф С. А. Милоченков более

детально изучил локальные особенности керамики населения Беларуси. Его исследования показали, что на Беларуси самый выразительный комплекс специфических черт характерен в конце XIX — начале XX в. гончарству населения северной и средней полосы страны. Вместе с тем, в границах очерченной территории выделяются две зоны. Первая охватывает восточную часть средней Беларуси, ядром её является Могилёвщина. Вторая охватывает, главным образом, Подвинье и западные районы средней Беларуси (северо-западная часть Центральной Беларуси и значительная часть Понеманья). Она характеризуется использованием при обжиге керамики домашних печей, четырёхугольных горнов, преобладанием среди ножных гончарных кругов на неподвижной оси двух конструкций (с дисками одинакового диаметра, соединённых вертикальными спицами, и с большим по диаметру нижним диском с наклонными спицами), общность ремесленной лексики и т. д. В то же время, по данным С. А. Милюченкова, по ряду признаков в этой зоне существуют и различия. Так, только в западных районах отмечено применение ручного однодискового круга, формовочной подставки, тёрки для переработки глины, производство сковородок, посуды с овальным в плане дном [16, с. 139–140]. Схожие черты подвинской и понеманской керамики даже выразились в том, что в научных изданиях, в т. ч. и энциклопедических, данные феномены не разделяются. Свидетельством этому может служить общая статья «Северобеларуская и понеманская керамика» в энциклопедии «Этнография Беларуси» [21, с. 393]. Таким образом, локальные черты керамики белорусского населения также не дают оснований выделять регион Подвинья в предложенных В. С. Титовым границах.

15 **Одежда.** Что касается одежды северной части Беларуси, то при его характеристике в основном отмечают общебелорусские черты. В первую очередь это характерно для мужской одежды. Женская одежда жителей Подвинья, в свою очередь, характеризуется широким типологическим разнообразием поясной одежды [15, с. 242; 19, с. 15–16; 21, с. 371]. В то же время говорить о региональных особенностях традиционной одежды не получается и по той причине, что она ещё мало исследована. Как отмечают исследователи, «традиционный костюм севера Беларуси — явление малоисследованное и почти таинственное даже для специалистов-исследователей белорусского народного искусства. Действительно, пока что мы не можем представить себе народный костюм Поозерья во всей полноте и художественном богатстве. ... Бросается в глаза скромность и беднота республиканских коллекций народного костюма Подвинья в сравнении со сборами других регионов Беларуси» [19, с. 798]. Остаются вопросы и в определении локальных черт подвинской одежды. Среди подвинских комплексов наиболее изучен «Лепельский строй», чуть хуже «Верхнедвинский» и «Сурожский» [19, с. 799; 21, с. 371].

16 **Волочebный обряд.** В качестве специфической черты духовной культуры белорусов Подвинья учёными называется волочebный обряд. Это касается как самих обрядовых действий, так и песенного фольклора. Как отмечала белорусская исследовательница Л. М. Соловей, «классические узоры волочebных песен записаны в северной, северо-западной и центральной частях Беларуси, что совпадает в основном с ареалом старой кривичской цивилизации, точнее с территорией Полоцкого княжества» [4, с. 8]. Однако, как свидетельствуют этнографические и фольклорные источники, волочebный обряд широко распространён по всей этнической территории Беларуси, за исключением крайнего юга и юго-запада. Материалы, собранные в томе БНТ «Волочebные песни», относятся не только к территории Витебской области, но и ко всей территории Минской, Гродненской, Могилёвской, а также частично — Брестской и Гомельской областей [4]. Согласно этнографу П. В. Шейну, волочebные песни в конце XIX в. были распространены в Витебской, Минской, Могилёвской, Гродненской, Виленской, Смоленской и Псковской губерниях и некоторых уездах Калужской, Орловской и Черниговской губерний [20, с. 135–136].

17 Российская исследовательница С. А. Латышева более точно определила ареал

распространения волочевых песен. Он охватывает большую часть Беларуси (территорию Витебской области, почти всю территорию Минской, Гродненской, Могилёвской, а также частично — Брестской и Гомельской областей), пограничные с Беларусью Смоленскую, южную часть Псковской области, отдельные районы Тверской, Брянской, Калужской областей России, отдельные районы Черниговской, Сумской областей Украины, а также пограничные с Беларусью районы Литвы, Латвии и Польши (рис. 6) [13]. Таким образом, ареал распространения волочевого обряда и волочевых песен не соотносится исключительно с территорией Подвинья.

18

Рис. 6. Сюжетные циклы волочевых песен (согласно С. А. Латышевой) [13]

19 **«Жаніцьба Цярэшкі».** Ещё одной специфической чертой подвинской традиционной культуры исследователи называют «Жаніцьбу Цярэшкі» — молодёжное ритуальное игрище, приуроченное к колядным обрядам. Анализируя территориальное распространение данного феномена, приходим к выводу, что он не распространён на всей территории Подвинья, а имеет достаточно ограниченный характер. В качестве районов наибольшего распространения исследователи называют Лепельский, Полоцкий, Шарковщинский, Докшицкий и Ушачский районы Витебской области [5, с. 3; 9, с. 7]. Как свидетельствуют опубликованные материалы, записи этого ритуального игрища сделаны в Поставском, Глубокском, Докшицком, Миорском, Шарковщинском, Лепельском, Полоцком, Ушачском, Верхнедвинском районах Витебской области. Также материалы зафиксированы частично в Борисовском, Вилейском, Логойском, Мядельском районах Минской области [5]. В ходе полевых этнографических исследований Полоцкого государственного университета в Северной Беларуси эти итоги были проверены. Как следует из этих материалов, «Жаніцьба Цярэшкі» распространена в западной и центральной частях региона. На востоке региона (восточнее Шумилинского района) данный феномен не фиксируется. Таким образом, обрядовое действо также не может быть отнесено к общеподвинским особенностям культуры. Эта традиция является специфической чертой западной и центральной частей региона.

20 **Масленичные песни.** Как показывают исследования, ареал бытования белорусских масленичных песен довольно широкий. Согласно А. С. Лису, регион бытования масленичных песен охватывает восточную и центральную часть Беларуси [10, с. 186–187]. В свою очередь, на территории Подвинья ареал бытования масленичных песен территориально ограничен. Как отмечает Е. М. Боганева, наиболее ярко и полно масленичный обряд предоставлен в восточной части Подвинья. Исследовательница связывает эту традицию с ареалом проживания смоленско-витебских кривичей. По мнению Е. М. Боганевой показателем полноты и сохранности того или иного обряда является наличие специальных песен, которые сопровождают ход обряда. Масленичные песни на территории Подвинья распространены только в восточной части, на бывших землях смоленско-витебских кривичей. На западе региона масленичные песни не встречаются [19, с. 26]. К схожим выводам пришла и другая исследовательница — Т. Якименко, более конкретно определившая регион бытования масленичных песен — на восток от бассейна р. Усвячи [23, с. 30].

21 **Юрьевские песни.** Как свидетельствуют опубликованные материалы и исследования фольклорного наследия белорусов, юрьевские песни нельзя отнести к исключительно подвинской традиции. Они встречаются на значительной части Беларуси, но в особенности густо (и в своих канонических типах) распределены в северо-западных районах. Как свидетельствуют исследования, ареал наибольшего распространения канонических юрьевских песен охватывает Западное Подвинье, западную часть Центральной Беларуси и большую часть Понеманья. Здесь они образуют даже несколько самостоятельных локальных типов, точных по структурной композиции [7, с. 54]. В свою очередь, исследования этномузыколога Т. Якименко календарно-песенной традиции восточной части Подвинья показали неодинаковое распространение юрьевских песен в этом регионе. Так, на примере небольшой обольско-усвятской части бассейна Западной Двины исследовательница отметила, что юрьевские песни отсутствуют в бассейне Оболи; в бассейне Усвячи «*ягор'еўскія*» песни, наоборот, присутствуют. В итоге исследования календарно-песенной традиции региона Т. Якименко выявляет выразительное разграничение обольского и усвятского ареалов. По её мнению, выделяются два крупных направления их притяжения — полоцко-псковский для обольского и витебско-смоленский для усвятского [23, с. 30].

22 **Яринские («ярынныя»), толочные, «льняные» («ільнаробчыя») песни** относятся к числу малоисследованных частей белорусского фольклора. Однако те материалы, что имеются по этим песенным жанрам, всё-таки дают основания для их ареальной характеристики. Для анализа яринских, талочных, «льняных» песен были использованы материалы, опубликованные в томе БНТ «Осенние и толочные песни» (1981).

23 Распространение «ярынных» песен (т. е. песен, исполняемых во время уборки яровых культур), которые выделяются значительным разнообразием и объёмом зафиксированных текстов, охватывает почти всю территорию страны. Однако, как отмечал А. С. Лис, большинство экспедиционных записей осенних песен второй половины XX в. относились только к Подвинью, среднему Поднепровью, западной Минщине [8, с. 29]. Проанализировав записи этого песенного жанра, приходим к выводу, что он наиболее распространён на территории Подвинья, северной и западной Минщине, Северной Гродненщине, Верхнем и Среднем Поднепровье. Зафиксирован также и в пограничных с Беларусью литовских и латвийских районах. С меньшей интенсивностью этот жанр представлен на остальной части Понеманья, Центральной Беларуси, Поднепровья, зафиксирован также на Полесье [8, с. 59–304]. Таким образом, как свидетельствуют материалы, ареал бытования «ярынных» песен значительно шире, чем Подвинье.

24 Как свидетельствуют опубликованные материалы, из всего объёма белорусских «льняных» («*ільнаробчых*») песен большая часть зафиксирована в западной и центральной

частях Витебской области (наиболее в Браславском, Верхнедвинском, Миорском, Ушачском, Полоцком районах), северной Минщине и северной Гродненщине, пограничных с Беларусью латвийских землях. В то же время данный жанр почти не фиксируется на Востоке Витебщины (за исключением 1 варианта в Городокском районе) [8, с. 305–325]. Таким образом, распространение льняных песен является не общеподвинской чертой, а только чертой западной и центральной частей региона, а также смежных с ними районов Понеманья, Центральной Беларуси, латвийской территории.

25 Что касается толочных песен, то их ареальная характеристика не такая простая. Дело в том, что данный песенный жанр не однородный. Исследователи условно делят его на 2 разновидности: весенняя толока; жатвенная и осенняя толока. Территориальное распространение этих разновидностей имеет свои особенности. Как свидетельствуют фольклорные материалы, песни жатвенной и осенней толоки распространены на территории Повинья, Северного Понеманья и Верхнего Поднепровья. В других регионах страны зафиксированы только единичные записи этой разновидности [8, с. 416–434]. В то же время песенный фольклор весенней толоки в основном зафиксирован на территории центральной и западной Витебщины, северных районов Минщины, пограничных с Беларусью районах Латвии. Единичные варианты также зафиксированы в Городокском, Сенненском, Чашникском и Витебском районах Витебской области, а также на территории Верхнего Поднепровья [8, с. 353–415]. Во второй половине XX в., как отмечают исследователи, наибольшая сохранность толочных песен (как весенних, так и осенних) наблюдается на Витебщине и северной Минщине. Большинство текстов толочных песен в этот период было зафиксировано в Полоцком, Лепельском, Миорском, Верхнедвинском районах Витебской области и Крупском районе Минской области [8, с. 43].

26 *Музыка.* Как одну из специфических черт подвинской культуры ещё В. С. Титов определял особенности выполнения песенного фольклора. По мнению исследователя, для песенного фольклора Подвинья свойственно сольное (моноподийное) выполнение: мелодия песен ровная, с плавными переходами, напевы неторопкие и свободные [21, с. 371]. Однако, как показывают материалы исследований песенной культуры белорусов, Подвинье в этом плане не предстаёт единым регионом. Об этом свидетельствуют исследования Т. Б. Варфоломеевой по народному музыкальному творчеству семейно-обрядового цикла. Так, ареальный аспект исследования родовых напевов показывает, что типичные политекстовые напевы распространены на территории Беларуси неравномерно. Основная их часть сконцентрирована на Белорусском Подвинье и граничащих с ним северных частях Могилёвского Поднепровья, Гродненского Понеманья и Центральной Беларуси [6, с. 49]. Исследования интонационных комплексов свадебных напевов белорусов, проведённые Т. Б. Варфоломеевой, также показали неоднородность подвинского региона и его связи со смежными регионами [6, с. 51–55, с. 85–87]. Вместе с тем, ареальная характеристика интонационных комплексов свадебных напевов показывает довольно строгое выделение восточной части региона, которая, в то же время, связана с Поднепровской песенной традицией (рис. 7–8). Мелодика похоронных причитаний также не соответствует историко-этнографическому районированию Беларуси. Картографирование похоронной мелодики показывает, что территория Подвинья не выступает единым ареалом [6, с. 69–71; 17, с. 85–94].

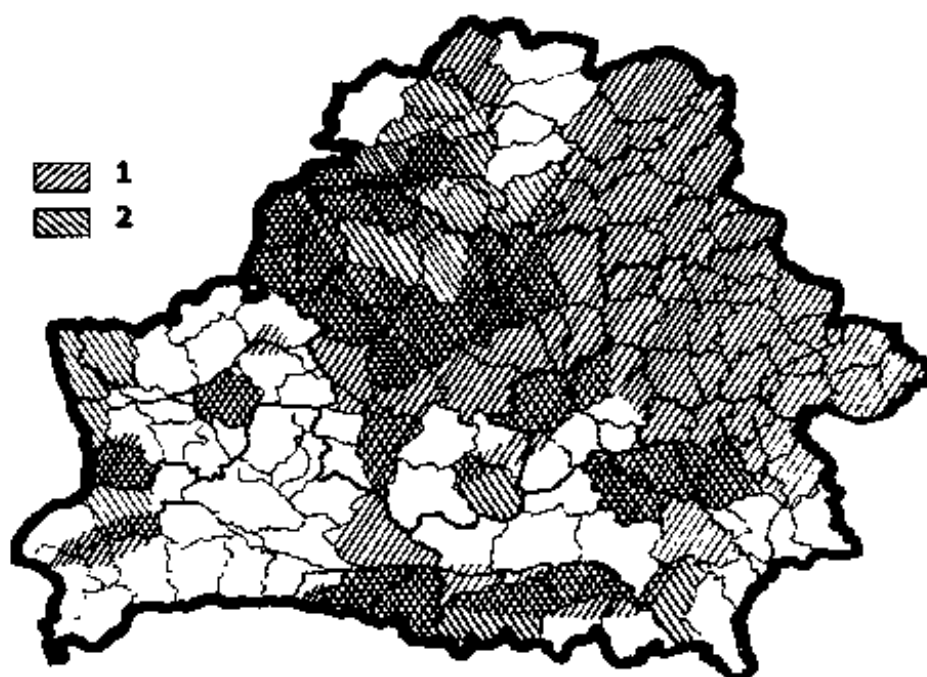

Рис. 7. Распространение квинтовых напевов (согласно Т. Б. Варфоломеевой [6, с. 85]: 1 — «праздничная» квинта; 2 — «лирическая» квинта)

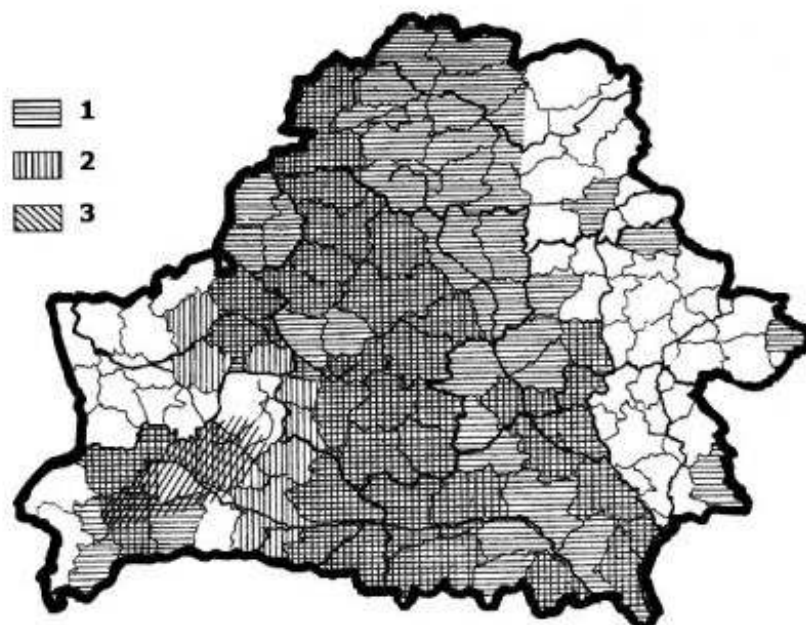

Рис. 8. Распространение квартовых, терцевых и секундовых напевов (согласно Т. Б. Варфоломеевой) [6, с. 85]: 1 — квартовый комплекс; 2 — терцевый комплекс; 3 — секундовый комплекс)

29 Достаточно показательными для ареальной характеристики традиционной музыкальной культуры Подвинья являются исследования календарно-песенной культуры, проведённые этномузыкологом Т. Якименко на территории обольско-усвятской части

бассейна Западной Двины. Так, согласно Т. Якименко, с этномузыкологических и мелогеографических позиций целостная в историко-стилевом отношении календарно-песенная традиция обольско-усвятской части бассейна Западной Двины является неоднородной не только с точки зрения территориального распределения её функционально-жанровых элементов, но и в направлениях расширения тех мелотипов, которые для них характерны. Выявляется выразительное разграничение обольского и усвятского ареалов календарно-песенной традиции. Выделяются два крупных направления их притяжения — полоцко-псковский и витебско-смоленский. В бассейне р. Оболи преобладают календарно-песенные формы с изомелами полоцко-псковского направления (наличие «Цярэшкі» и колядных северо-поозерского типа, отсутствие масленичных и юрьевских); для бассейна р. Усвячи характерны функционально-жанровые группы и календарно-песенные изомелы витебско-смоленского направления (масленичные, юрьевские («ягор’еўскія»), дожиночные — «Казёл», «Барада», показательные для календарно-песенных практик белорусов всего Западнодвинско-Днепровского междуречья) [18, с. 30].

30

Рис. 9. Разграничение функционально-жанровых групп обольско-усвятского «песенного календаря». «Жніўныя» и «дажынкавыя» (карта составлена Т. Якименко) [18, с. 22]: /// — терцевые декламационные; O — дожиночные «Барада», «Казёл»

31 **Местные говоры** принадлежат к северо-восточному диалекту белорусского языка, территория которого охватывает практически всю Витебскую, значительную часть Могилёвской и северо-восток Минской областей. В его границах выделяются три группы говоров: витебская, полоцкая и могилёвская (рис. 10). Первые два как раз и относятся к выделенной территории Подвинья. Таким образом, лингвистические материалы также не дают оснований для выделения подвинского региона в предложенных В. С. Титовым границах. В свою очередь, они показывают связь подвинских говоров и поднепровских, а также выделение в границах Северной Беларуси двух регионов.

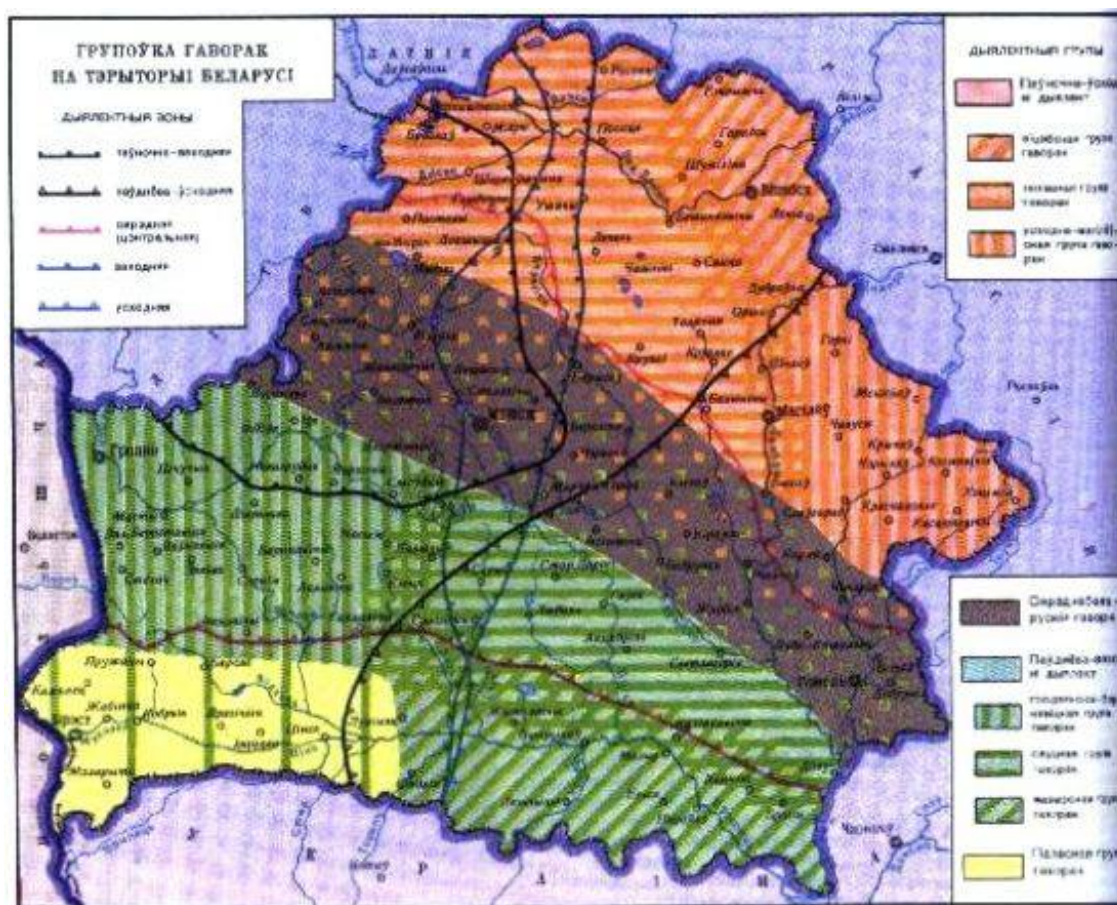

Рис. 10. Диалекты и группы говоров белорусского языка (составил А. А. Кривицкий) [23]

33 **Выводы.** Таким образом, на основе анализа фольклорных и этнографических материалов приходим к следующим выводам.

34 1. По сути, ни одна из проанализированных черт традиционной культуры не даёт оснований выделять историко-этнографический регион Подвинье (Белорусское Подвинье, Поозёрье) в предложенных В. С. Титовым границах. В реальности вместо историко-этнографического региона был предложен гидрологический регион Белорусского Подвинья — северная часть Республики Беларусь в бассейне течения р. Западной Двины и её притоков. И у этого географического (гидрологического) региона были определены наиболее характерные и типичные черты культуры. Таким образом, не специфические черты культуры определили границы региона, но под довольно схематично выделенный регион были подобраны характерные черты культуры его жителей. Такой подход не только не даёт наглядного представления о региональных особенностях традиционной культуры местного населения, но и абсолютно бесполезен при исследовании этнокультурных процессов. Он также не соответствует и самой концепции историко-этнографического районирования. Как показывают материалы (очень поверхностно рассмотренные и безусловно не претендующие на полноту и системность), есть основания определить несколько большие границы Северного региона. Во-первых, на это указывают итоги исследований Витебско-Смоленского и Полоцко-Псковского пограничья¹, традиционная культура Северного региона очень близкая с пограничной российской территорией (наблюдаются связи Полоцкого Подвинья и южной Псковщины, Витебского Подвинья и западной Смоленщины). Во-вторых, как показывают проанализированные фольклорные и этнографические материалы, традиционная культура восточного Подвинья имеет много общего с поднепровской, а западного и центрального Подвинья — с понеманской и центральнобелорусской. Более системное исследование

элементов традиционной культуры может пролить свет на решение вопроса о границах историко-этнографических регионов.

35 2. Вместе с тем, ареальная характеристика представленных элементов традиционной культуры северной Беларуси даёт основания на выделение в её границах двух больших регионов (субрегионов) — Западное Подвинье (включает территорию западной и центральной частей региона) и Восточное Подвинье. Наиболее выразительно особенности этих регионов прослеживаются на основе традиционной обрядности, устно-поэтического творчества, местных говоров. Так, в качестве определяющих черт выступают следующие части традиционной культуры (их наличие или отсутствие): масленичная обрядность и масленичные песни, молодёжное игрище «Жаніцьба Цярэшкі», льняные («ільнаробчыя»), юрьевские песни, песни весенней толоки, распространение отдельной группы говоров. Так, Западный регион характеризуется наличием молодёжного игрища «Жаніцьба Цярэшкі», «ільнаробчых» песен, песен весенней толоки, распространением полоцкой группы говоров. Восточный регион определяется распространением масленичной обрядности и масленичных песен, юрьевских песен, отсутствием «Жаніцьбы Цярэшкі», «ільнаробчых» песен, песен весенней толоки, распространением витебской группы говоров. Притом, как показывают проанализированные материалы, граница между двумя этими регионами довольно чёткая. Она проходит в междуречье Оболи и Усвячи. Таким образом, Западный регион охватывает территорию Браславского, Поставского, Докшицкого, Миорского, Верхнедвинского, Шарковщинского, Лепельского, Полоцкого, Ушачского, западную часть Бешенковичского и Чашникского районов. Восточный включает территорию Городокского, Лиозненского, Витебского, восточную часть Бешенковичского, северо-восточную часть Сенненского районов. Обращает на себя внимание тот факт, что эти два региона в основном совпадают с ареалами проживания смоленских и полоцких кривичей. В следующие исторические периоды эти два региона были разобщены также разными политическими и административными единицами (Полоцкое и Витебское княжества, Полоцкое и Витебское воеводства), граница между которыми долгое время оставалась на одной и той же территории (в междуречье Оболи и Усвячи). Показательным является и тот факт, что в современный период территориальное разграничение православных епархий также соответствует такому делению.

36 Проведённый в статье анализ фольклорных и этнографических материалов, ареальная характеристика отдельных элементов традиционной культуры белорусского населения Северной Беларуси являются предварительными и поверхностными, а поэтому не претендуют на полноту. Однако они могут стать началом для проведения более системного и цельного исследования данной проблематики.

Примечания:

1. Исследования Полоцкого государственного университета Витебско-Смоленского и Полоцко-Псковского пограничья осуществлялись в ходе работы по темам: «Традиционный культурно-языковой ландшафт белорусско-русского (Витебско-Смоленского) пограничья XX — начала XXI в.: символика фольклорных образов, ритуальные функции и их коммуникативные репрезентации» (2014–2016; № Г14РП-003); «Традиционный этнокультурный и языковой ландшафт Витебско-Псковского пограничья в конце XIX — начале XXI в.: уровни репрезентации и динамика кросскультурных связей» (2016–2018; №Г16РП-004).

Библиография:

1. Андрианов Б. В. Историко-этнографические области (Проблемы историко-этнографического районирования) // Советская этнография. 1975. № 3. С. 15–25.
2. Андрианов Б. В. Историко-культурные области // Народы мира. Историко-этнографический справочник. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 580–585.

3. Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография. 1972. № 2. С. 3–16.
4. Валачобныя песні / Слад. Г. А. Барташэвіч, Л. М. Салавей, склад. музыч.часткі В. І. Ялатаў. Рэд. тома К. П. Кабашнікаў. Мінск: Навука і тэхніка. 560 с.
5. Валодзіна Т. «Цярэшка Святое дзела»: Жаніцьба Цярэшкі на Лепельшчыне (паводле сучасных запісаў). Віцебск, 2010. 112 с.
6. Варфаламеева Т. Б. Сямейна-абрадавы цыкл // Беларусы / Т. Б. Варфаламеева [і інш.]; НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы; навук. рэд. А. І. Лакотка. Мінск, 2008. Т. 11: Музыка. С. 41–88.
7. Веснавыя песні / Склад. Г. А. Барташэвіч, Л. М. Салавей; склад. муз. часткі В. І. Ялатаў; рэд. тома К. П. Кабашнікаў. Мінск: Навука і тэхніка, 19. 608 с.
8. Восеньскія і талочныя песні / Склад. і аўт. уступ. артыкулаў А. С. Ліс; муз. частка В. І. Ялатаў; рэд. А. С. Фядосік. Мінск: Навука і тэхніка. 679 с.
9. Жаніцьба Цярэшкі / Уклад. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Л. М. Салавей. Мінск: Навука і тэхніка. 519 с.
10. Каляндарна-абрадавая паэзія / А. С. Ліс, А. І. Гурскі, В. М. Шарая, У. М. Сівіцкі; навук. рэд. А. С. Фядосік. Мінск: Бел. навука, 2001. 515 с.
11. Карта. Беларускія гаворкі // Karty.by. 2008. [Электронны ресурс]. URL: <http://www.karty.by/tag/беларусь-белоруссия/page/64/>.
12. Лакотка А. І. Архітэктура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце: у 4 т. Мінск: Беларуская навука. Т. 4. Кн. 1: Беларускае народнае дойлідства. 2008. 495 с.
13. Латышева С. А. К вопросу о географии волочѣбных песен // Вопросы этномузыкознания. 2014. № 1. С. 55–70.
14. Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // Советская этнография. 1955. № 4. С. 3–17.
15. Лобач У. А. Этнаграфія Беларусі: Вучэбна-метадычны комплекс для студ. спец. 1–21 03 01 «Гісторыя», 1–02 01 02 «Гісторыя. Замежная мова». Наваполацк: ПДУ. 328 с.
16. Милюченков С. А. Белорусское народное гончарство. Минск: Наука и техника, 1984. 183 с.
17. Пахаванні. Памінкі. Галашэнні / рэдкал.: А. С. Фядосік (гал. рэд.) [і інш.]; уклад. тэкстаў, уступ. артыкул і камент. У. А. Васілевіча; артыкул, сістэматызацыя і камент. напеваў Т. Б. Варфаламеевай. Мінск: Навука і тэхніка, 1986. 615 с.
18. Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов: XIX начало XX в. Минск: Наука и техника, 1983. 152 с.
19. Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. Мінск : Бел. навука, 2004. Т. 2: Віцебскае Падзвінне / Т. Б. Варфаламеева, А. М. Боганева, М. А. Козенка. 910 с.

20. Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка населения Северо-Западного края. СПб, 1887. Т. 1. Ч. 1.: Бытовая и семейная жизнь белорусса в обрядах и песнях. 585 с.
21. Этнаграфія Беларусі: Энцыклап. / Рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. Мінск: БелСЭ. 1989. 575 с.
22. Этнография / Под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. М.: Высшая школа, 1982. 320 с.
23. Якіменка Т. Аб мелагеаграфічных вектарах і тэрытарыяльным размеркаванні функцыянальна-жанравых груп абальска-ўсвяцкага «песеннага календара» ў этнамузычнай традыцыі Падзвіння // Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследаванні. Вып. 5. 2018. С. 8–33.

On the question of the ethno-cultural district of the Belorussian Padzvinne

V. Auseichyk

*Senior Lecturer, Polotsk State University
Belarus, Novopolotsk*

Abstract

The evaluation of the justification for allocating of the historical and ethnographic region of the Byelorussian Padzvinne (Padzvinne, Paazerje) is given. Features of material and spiritual culture are analyzed (traditional architecture, ceramics, traditional ritual and oral poetry oeuvre, features of performance of song folklore, local dialects). They were defined by researchers as specific features of the Padzvinne culture. We conclude that the areal characteristics of these parts of culture do not give grounds for allocating the Padzvinne region in its current borders. A developed by V. S. Titov, the concept of dividing the territory of Belarus into historical and ethnographic regions in the case of the allocation of the Padzvinne (Padzvinne, Paazerje) is unjustified. The issues of allocating separate regions (subregions) within the borders of Northern Belarus are considered. Two regions are identified based on the analysis of ethnographic, folklore and linguistic materials within the borders of Northern Belarus. One of them includes the territory of the Western and Central Padzvinne, the second — the Eastern Padzvinne.

Keywords: Belorussian Dvina region (Padzvinne), Belarus, historical and ethnographic region, traditional culture

Publication date: 02.10.2020

Citation link:

Auseichyk V. On the question of the ethno-cultural district of the Belorussian Padzvinne // Pskov regional studies journal 2019. Issue 2 (38) С. 36-50 [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <http://ras.jes.su/region/s221979310012056-4-1> (circulation date: 02.10.2020).